

## **ГАДАНИЕ И ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ МОНГОЛОВ\***

Прорицания занимали в истории многих народов весьма значительную роль, взять хотя бы отношение древних греков к оракулу или китайцев к «Книге перемен». Это наиболее известные примеры, которые не должны скрывать от нас того факта, что к мантике обращались практически все народы мира. Другое дело, в какой форме это делалось, какое мировоззренческое, религиозное, философское или научное обоснование подводилось под них. Например, в европейской астрологии это вылилось в теорию космической предопределенности судьбы людей и способствовало развитию астрономии. Монгольская астрология «зурхай» связана с буддийским учением Калачакры о связи макрокосма с микрокосмом, вселенной с человеком.

Наиболее простые способы мантики, такие как бросание жребия как бы предвосхищают некоторые элементы теории вероятности. По другим способам прорицания, как скажем, гадание по внутренностям птиц и животных, полету птиц и т.д., можно реконструировать мифологические представления народа или племени. Словом, в мантике отражается история народов, их культура, психология, религия, мифология, фольклор, обычаи, культурные контакты, влияния и т.д.

К прорицаниям обращались, чтобы получить ответ или подсказку для решения наиболее важных проблем и сложных жизненных ситуаций, при попытках узнать будущее и вероятный исход задуманного предприятия.

### **1. ПРОРИЦАНИЯ В КУЛЬТУРЕ И В БЫТУ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ**

У монгольских народов существуют десятки разных способов гадания. Например, такие известные как шаманские, через призывание духов, или астрологические, посредством некоторых методик «Зурхая». До сих пор широко распространены гадания по бараньей лопатке, на монетах, чаще на девяти, на игральные кости (кубиках), на шагай – овечьих суставных бабках, на четках, камнях, стрелах, путем бросания жребия, хиромантии, разгадывания снов и прочее. Некоторые из них, например, гадания по бараньей лопатке имеют давние национальные

---

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №07-04-92310 а/Г).

традиции, а другие, в частности, прорицания посредством монет, явно заимствованы, в данном случае, от китайцев.

Во многих видах гадания используются широко распространенные в быту предметы (бараньи лопатки, таранные кости), чаще всего встречающиеся птицы и животные (вороны, сороки, лошади, верблюды, собаки, волки, лисицы), физиологические реакции человека. В частности, как пишет Д. Очирбат, встряхивающаяся лошадь и зевающий верблюд понимались как хорошая примета: задуманное должно исполниться. При выезде в дорогу с караваном или на поиски чего-нибудь встреча с волком считалась хорошей, а с лисой – плохой приметой. Первое предвещало исполнение задуманного, а второе – препятствия. Приметы часто приурочивались к тому или иному конкретному времени. Стрекотание сороки в определенный час могло означать приезд дальнего родственника, шум в ушах – материальные потери, шум огня в очаге – то обстоятельство, что женщина сердцем не принадлежит дому (Очирбат, 78-82-р тал). Как предметы и обстоятельства, так и семантика прорицания могла носить специфически национальный характер. Например, встреча с человеком с пустыми ведрами, особенно, если это женщина, толкуется русскими как дурная примета, а монголами – как хорошая, как предзнаменование того, что задуманное исполнится. Встреча с человеком, несущим пустую корзину для кизяка, монголами тоже воспринималась как удачная (Очирбат, 82-р тал).

Монгольские приметы определялись традиционным образом жизни – скотоводством, охотой и вообще погруженностью в природу. Поэтому в прорицаниях часто встречаются ссылки на поведение птиц и животных, как диких, так и домашних, тонкие наблюдения над природными феноменами. Значительное место занимают приметы из повседневного быта людей. Прорицания охватывали основные стороны жизни человека. Например, по отношению к бытовым приметам Д. Очирбат выделяет несколько основных ситуаций:

1. Приезд, приход родственников, гостей, высокопоставленных лиц, встреча с хорошими, приятными людьми – 32 приметы;
2. Угощение, выпивка, встреча на пире, свадьбе – 28 примет;
3. Потери, страдания, беспокойство (в этом же разделе, вероятно, должны быть также и болезни – А.Т.) – 30 примет;
4. Радость, хорошее дело, счастливый исход – 27 примет;
5. Прибавка зарплаты и дохода, приобретение вещей, материальная выгода – 17 примет;
6. Наговоры, сплетни, конфликты, спешная работа – 17 примет;
7. Тебя вспоминают родственники – 12 примет;
8. Выезд для дальней работы – 2 приметы (Очирбат, 80-р тал).

При гадании по бараньей лопатке, судя по старинным письменным источникам, могли рассматриваться сто с лишним вариантов ответа [Очирбат, 58-р тал]. Хотя в целом ряде видов гадания предусмотрены бинарные ответы «да-нет».

Гадания часто сопровождаются сложными ритуалами, магическими действиями и религиозными обрядами.

## **2. ПРОРИЦАНИЯ В «СОКРОВЕННОМ СКАЗАНИИ МОНГОЛОВ»**

Тему гадания средневековых монголов рассмотрим сначала на материале основного исторического источника той поры – созданной в первой трети XIII в. эпической хронике «Сокровенное сказание монголов» («Монголын нууц товчоо»; далее будем употреблять сокращенное «Нууц товчоо» или «МНТ»). Здесь, как правило, показывается лишь результат гадания или прорицания, но не сам процесс. Можно сказать, что здесь утверждается мировоззренческий аспект проблемы прорицания. Именно через прорицания показывается историческая миссия Темуджина – Чингис-хана в качестве личности, призванной положить конец бесконечным распрям смутного времени и установить мир и спокойствие через объединение племен и народов. Первое пророчество провозглашает Алан-гуа за многие поколения до рождения Чингис-хана. Она рассказывает о чудесном зачатье от небесного человека: *«Каждую ночь через дымовое отверстие, испуская свет, спускался в юрту светло-желтый человек. Он гладил мой живот, и свет его проникал в мое чрево. И в момент, когда восходящее солнце вот-вот должно было сменить луну, он исчезал, извиваясь, как желтая собака»* (МНТ, § 21) (Здесь и далее перевод наш – А.Т.). Детали: *«испуская свет», «светло-желтый человек», «свет его проникал в мое чрево», «исчезал, извиваясь, как желтая собака»* – подчеркивают солярную семантику образов эпизода с Алан-гуа. Это солнечное, небесное происхождение выделяют ее сына Бодончара и через двенадцать поколений – ее потомка Чингис-хана. Связь солярной символики и сакрального права на власть более непосредственно подчеркивается в сюжете сна Дай-сэцэна. Дай-сэцэн сопоставляет приснившегося ему накануне сокола, держащего в когтях солнце и луну, с последующим приездом мальчика Темуджина и его отца Есугея. Солярная символика в этом сне повторяется троекратно: сначала в образе сокола – родового тотема Чингис-хана, затем – солнца и луны в когтях сокола и также в цветовой атмосфере сна – *«Белый [свет] низошел»* вместе с соколом, опустившимся на руку Дай-сэцэна (МНТ, § 63).

Небесная, солнечная символика «МНТ» уходит корнями в глубочайшую древность. Солярным образам памятника XIII в. легко найти соответствия в наскальных изображениях на территории Монголии бронзового века, а то и более раннего времени (Тугутов А.И., 2005, с. 136). Иначе говоря, эти образы и связанная с ними семантика занимала на протяжении многих веков прочное место в мировоззрении монгольских и, говоря шире, других, в первую очередь, тюркских народов Центральной Азии.

Особую миссию Чингис-хана предчувствуют в своих пророческих видениях еще несколько персонажей «МНТ». В последующем эти предсказания сбываются. Предсказания и их подтверждения в судьбе Чингис-хана образуют связанные между собой сюжеты.

Однако, как говорилось уже выше, в «МНТ» опускается «технология» предсказаний, подчеркивая надбытовую, сакральную значимость прорицаний, связанных с темой Небесного избранничества Чингис-хана – идейного, мировоззренческого ядра памятника. При этом сакральная тема не нарушает общего реалистического тона этой художественной хроники XIII в. Такое сочетание естественной, не взыскующей рациональных доказательств религиозности со здравым смыслом и прагматичным реализмом по отношению к повседневной жизни являлось доминантой мировоззрения древних и средневековых монголов. Это определяло их мысли и поведение на текущий момент и при планировании будущего. Данная доминанта их мировоззрения повлияла не только на общий строй и поэтику «Сокровенного сказания», но и отразилась в особенностях психологии и поведения многих его персонажей.

Похоже, что академику С.А. Козину – автору самого полного и самого известного перевода на русский язык «Монголын нууц товчоо» – было трудно передавать все особенности его поэтики. До этого у него был опыт перевода произведений героического эпоса, в частности, калмыцкой поэмы «Джангар». Вероятно, отсюда его тяготение к яркой образности и эпическому размаху. Его перевод отходит от строгой стилистики оригинала «МНТ», с ее точной обусловленностью каждого штриха смысловой и художественной задачей. Кажущаяся близость этого историко-художественного повествования к поэтике героического эпоса наталкивала переводчика к поиску традиционных средств. Среди прочего С.А. Козин вносит детали, отсутствующие в оригинале «МНТ». Так, в частности, при переводе эпизода болезни Угэдэй-хана – беспамятства и потери речи – во время похода на Китай, ученый не удержался от соблазна собственных дополнений: *«созвали китадских шаманов», «пробовали посредством гадания по внутренностям жи-*

вотных вопрошать духов» (Козин, § 272). Между тем в оригинале «МНТ» было: «*böes böes tölgečin-e tölgeleülüesü*» – «(устроили) гадания шаманов и шаманов-предсказателей» («МНТ», § 272, 204-р тал). То есть здесь ничего не говорилось как о национальности шаманов, так и о способе гадания. Такого рода отступления от оригинала в принципе не желательны в переводе историко-литературных памятников. Тем более, если это приводит к таким явным ошибкам как к приписыванию средневековым монголам древнегреческого способа гадания по внутренностям животным. Но, тем не менее, любопытна сама попытка идентифицировать национальность шаманов. К сожалению, в условиях блокады Ленинграда не сохранилась рукопись подготовленного С.А. Козиным II-го тома его исследования «Сокровенного сказания», куда, согласно предварительному плану, должны были войти комментарии. Поэтому можно лишь гадать, что подразумевал автор под понятием «*китадские шаманы*». Скорее всего, здесь имелись в виду не китайцы и не кидани, а чжуржени – представители тунгусоманьчжурских племен, правивших в Северном Китае до монгольских завоеваний. Этим своим уточнением – «*китадские*» – ученый, очевидно, хотел подчеркнуть то обстоятельство, что в тексте памятника никто из монголов – религиозных деятелей не называется шаманом.

Современными исследователями нередко классифицируются в качестве шаманов то Хорчи, предсказавший Чингис-хану вознесение на вершину власти, то Тэб-тэнгри, претендовавший на эту власть, то Усун-увгун, определенный Чингис-ханом в качестве фигуры для духовного почитания. Но никто из них не показан в «Нууц товчоо» за выполнением собственно шаманских функций, четко очерченных в эпизоде болезни Угэдэя: лечения и обращения к духам местности. В этом эпизоде *шаманы-предсказатели* несомненно обращаются к духам местности на территории Китая. Связь с ними, согласно шаманистских представлений, должны осуществлять аборигенные медиумы. Вероятно, такой логикой руководствовался А.С. Козин, идентифицируя шаманов как местных жителей.

Кроме эпизода с болезнью Угэдэй-хана в «МНТ» нет ни одного более упоминания термина *бөө* – *шаман*. Это обстоятельство далеко не случайно. Автор (авторы) памятника как бы не замечают их присутствия, хотя, как мы знаем из многочисленных свидетельств историков и путешественников XIII–XIV вв., роль шаманов в общественной жизни Монголии была заметной.

Можно предположить, что в «МНТ» были отобраны прорицания, которые можно трактовать как связанные с культом Вечного Синего Неба, уровня высокой, с точки зрения средневековых монголов, духов-

ной практики. Этой практикой занимались жрецы, среди которых можно назвать Хорчи и Тэб-тэнгрия.

Предсказания и гадания повседневного уровня практически не показаны в «МНТ». Вероятно, это было связано с особой мемориальной и сакральной значимостью памятника. Шаманские ритуалы также отделялись от сферы высокой сакральности – от сферы Вечного Синего Неба.

### **3. ГАДАНИЯ МОНГОЛОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Упущенные в «МНТ» способы и методы порицания фиксируются в свидетельствах не монгольских авторов. В частности, в «Мэн-да бэй-лу», китайском источнике начала XIII в., в китайских комментариях к нему и в современных комментариях Н.Ц. Мункуева говорится о чисто монгольском способе гадания по бараньей лопатке: «При гадании о счастье и несчастье, наступлении и отступлении, резне и походе каждый раз берут баранью лопатку, разламывают ее в огне железным молотком и смотрят трещины на ней, чтобы решить важное дело. [Это] похоже на китайское гадание на черепаховых панцирях» (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 79).

Эти сведения подтверждаются другими источниками: «В Хэй-да ши-люе [сказано]: «Что касается их гадания, то [татары] сжигают баранью лопатку и, смотря по благоприятности узоров на ней, определяют счастье и бедствие, отказывают или дарует Небо. Этим решается все. [Они] верят в это очень искренне. Называют это «сжигать пи-па» (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 79).

Комментируя выражение «сжигать пи-па», Н.Ц. Мункуев замечает, что это «по-видимому, ироническое название, данное китайцами монгольской практике гадания на обожженной бараньей лопатке. Пи-па – китайский струнный музыкальный инструмент, напоминающий по форме лопатку» (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 424).

Ирония свидетельствует о китайском отношении к чуждому культурному феномену. Во-первых, здесь можно увидеть некое проявление традиционного пренебрежения ко всему «варварскому», а отсюда, во-вторых, желание как бы дистанцироваться от него. Ведь обычай кочевников так похож на отечественный, к которому у китайских авторов трепетное отношение. Оно ощущается, например, в «Рассуждениях о Книге Перемен» Су Сюня (1009–1066 гг.): «Гадание на панцире черепахи и гадание на тысячелистнике – это, что чудеснее всего в Поднебесной. Но гадание на панцире черепахи внемлет Небу и не предуготовлено человеком... Панцирь черепахи гладок, и нет на нем правиль-

ных линий. Но когда обжигают шип, пронзают им панцирь, и получаются трещины... Все они сделаны только шипом, и что в них предуготовано человеком?! И совершенномудрый человек скажет: «Это искусство принадлежит исключительно Небу...» (Ицзин, 1993, с. 40).

Конечно, понятно, что для южных китайцев, употребляющих черепашьих панцирей в пищу, использование для прорицания бараньих лопаток было также непривычно, как гадание по черепашьим панцирям для монголов, в чьем повседневном рационе ведущее место занимает баранина, а не мясо прибрежных или морских черепах, которые не водились на территории Монголии. География, уклад жизни и способ хозяйствования продиктовали для каждого из этих народов собственные инструменты гадания, хотя методика его была сходной.

К этой же методике весьма близок индейский способ. Североамериканские индейцы «кладут на огонь плоскую кость дикообраза и по цвету его судят, будет ли успешна охота на него» (Тайлор Э.Б., 1989, с. 99). Еще ближе английская практика: в Англии для гаданий также использовали баранью лопатку, но, в отличие от монгольского варианта, ее варили (Тайлор Э.Б., 1989, с. 99). Э.Б. Тайлор считал, что скапулимантия (омоплатоскопия), или гадание по бараньей лопатке, распространилось на другие страны, возможно, из Монголии, где оно «существует с древнейших времен» (Тайлор Э.Б., 1989, с. 99). Можно согласиться с Э. Тайлором – автором классического труда, где представлен широкий обзор мировой народной культуры, отдающего приоритет монголам в скапулимантии.

Сочинения средневековых азиатских и европейских авторов свидетельствуют о давности и распространенности гаданий по бараньей лопатке в Монголии. Как правило, для этих авторов скапулимантия представлялась экзотическим, свойственным только монголам видом гадания. Допущенные ко двору монгольских ханов путешественники отмечали, что могущественные властители лично использовали скапулимантию. Сун Цзы-чжэня в своем труде «Чжун-шу лин Елюй гун шэнь-дао бэй» пишет о гадании самого Чингис-хана, который, пользуясь традиционным монгольским способом, «перепроверял» гадания Елюй Чу-цая: Чингис-хан «каждый раз перед выступлением в карательный поход непременно приказывал его превосходительству (Елюй Чу-цаю-А.Т.) заранее погадать о счастье и бедствии. Император также сжигал баранью бедренную кость, чтобы сличить с ним результаты» (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 79). Елюй Чу-цай – потомок царственного рода кидан, отличался широкими энциклопедическими знаниями, в том числе, в области астрологии.

Сведения о дублировании астрологических прогнозов самим Чингис-ханом подтверждает Н.Ц. Мункуев, ссылаясь на другие источники: «Монгольские ханы лично гадали об исходе своих предприятий, хотя при них всегда находились шаманы и китайские астрологи» (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 424). Помня уроки «Сокровенного сказания», где не все прорицатели являлись шаманами, нам представляется правильное этих «шаманов» называть жрецами. Привлечение, после завоевания Китая, монгольскими ханами китайских астрологов, наряду с собственными жрецами-прорицателями, естественно для ситуации империи, когда происходит смешение разных культурных традиций.

Гильом де Рубрук, посетивший Монголию в 1253 г., подробно пишет о регулярных сеансах гадания Мунке-хана по обожженным бараньим лопаткам. На одной из аудиенций хан сказал этому монаху-францисканцу, посланцу французского короля, что «вам Бог дал писание, и вы не храните его; нам же Он дал гадателей, и мы исполняем то, что они говорят нам, и мы живем в мире» (Рубрук Г. де, 1999, с. 169–170). Эти слова Мунке-хана выразительно говорят о значимости жрецов-прорицателей в качестве посредников, толкователей воли Бога или, согласно религиозным представлениям древних и средневековых монголов, Вечного Неба. Здесь монгольский хан предстает знатоком теологии, интересующимся вопросами различий и сходства религий. Накануне при ханском дворе был организован религиозный диспут, где оппонентом Рубрука выступал буддист, а монаха-францисканца поддерживали христиане-несториане и мусульмане. Аудиенция проходила как продолжение теологических прений: Мунке-хан, по всей вероятности, хотел уточнить позицию францисканца. Осведомленность хана в вопросах христианства не вызывает сомнения хотя бы по той причине, что его мать Соргактани-беки была христианкой-несторианкой. Однако сам он не изменял традиционной монгольской вере в Вечное Небо.

При одной из встреч Рубрук отмечает, что Мунке-хан взял в руки принесенный несторианами крест: «я не видел того, чтобы он поцеловал его или поклонился ему, а хан только глядел на него, спрашивая о чем-то» (Рубрук Г. де, 1999, с. 149). Похоже, что Мунке-хан здесь поступает также как при гадании по бараньей лопатке: «держа их, размышляет о том предприятии, о котором хочет искать совета, приступить к нему или нет» (Рубрук Г. де, 1999, с. 145). Процедура размышления является неотъемлемым этапом гадания. Напомним, что в зависимости от характера трещин по кости возможны около ста вариантов ответа.

В мантике важна роль толкования. В «Сокровенном сказании монголов» приводятся, главным образом, нарративные формы прори-

цаний, сравнительно легкие для понимания. Наряду с ними описываются не столь однозначные предзнаменования, значимость и не случайность которых не просто осознать. Юный Темуджин скрывается от врагов в лесу. Он несколько раз пытается выйти из леса, но каждый раз ему мешает какое-нибудь неожиданное, странное препятствие, вроде оборвавшейся сбруи его верховой лошади. Тэмуджин начинает думать: «*Не Небо ли меня увещевает?*», но все-таки не слушается знаков и, выехав из леса, попадает в плен (МНТ, § 80). Этот случай послужил ему уроком необходимости вникать в смысл знамений судьбы, которые даются Небом в разных формах прорицаний.

Здесь можно вспомнить, что и древние греки понимали роль человеческого ума в понимании оракула (Price S., 1985, p. 148). Они описывали много примеров неправильного истолкования пророчеств оракулов, приводящего к драматическим последствиям. Прорицание надо адекватно воспринять и правильно интерпретировать. Сцены гаданий Мунке-хана показывают, что средневековые монголы понимали все значение анализа в мантике. Одно переходит в другое: необходимость гадания осознается предварительным осмыслением житейской или военно-политической ситуации, результаты прорицания подвергаются новому анализу. Гадание, наряду с размышлением, – одно из средств осмысленного предчувствия и планирования будущего.

Через гадания, через поводы для обращения к прорицанию и через последствия гаданий можно многое понять в мировоззрении людей разных эпох. Понять, что занимало и беспокоило обитателей той или иной эпохи, какие заботы, надежды и страсти владели ими. Можно объявлять гадания суеверием, но нельзя отрицать того факта, что они, особенно в прошлом, использовались как один из инструментов, с помощью которого люди пытаются открыть тайны жизни, своих отношений с миром, обществом и отдельными персонами. Иначе говоря, в гаданиях, в той или иной форме, отражаются эпоха, традиции, культура. Питает же их вечное желание человека сорвать покров тайны с бегла Времени.

### **Библиографический список**

1. Ицзин. Китайская классическая «Книга Перемен». Исследование, перевод текста Ю.К. Щуцкого. М., 1993.
2. Монголын нууц товчоо. Галиглаж хэвлүүлсэн Т.Дашцэдэн. Улаанбаатар, 1985.
3. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Перевод с китайского, введение, комментариев и приложение Н.Ц. Мункуева. М., 1975.
4. Очирбат Д. Мэргэ толго. Уланбаатар, 1990.

5. Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны. М., 1999.
6. Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А.Козина / «Байкал» №6 1989, №1 1990.
7. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
8. Тугутов А.И. Птицы петроглифов и "Сокровенного сказания монголов" // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ, 2005.
9. Price S. Delphi and divination / Greek Religion and Society. Cambridge, 1985.

**М.В. Егорочкин**

*Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия*

### КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ «АЙ-ХУУЧИН» (К ВОПРОСУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭПИЧЕСКИХ ПАНОПЛИЙ)\*

Военная история кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии – это не только история вооружения и тактики боя, но также история героической эпики. «Героический эпос, изобразительное и прикладное искусство ориентировано на воспитание воинского идеала» (Худяков Ю.С., 1995, с. 12), а значит, имеет непосредственное отношение к военному делу. Это подтверждается жанровой дефиницией эпоса: хакасские сказители отличают *нымах* – ‘сказка’ (ср. *аң-хустардаңар нымах* – ‘сказки о животных’; при этом, *нымах* может обозначать ‘богатырскую сказку’ и даже ‘сказание’) от *алыптых нымах* – ‘сказание о богатыре’ или *чаалыг нымах* – ‘сказание о войне’ (Майногашева В.Е., 1997, с. 16–17). Более того, возникновение героического эпоса, согласно точке зрения А.И. Чудоякова, напрямую связано с военным делом, в частности с повествовательным вводом элементов вооружения (Чудояков А.И., 1995, с. 72, 161–185).

Однако тема эпических паноплий до сих пор не является достаточно разработанной. Несмотря на то, что в отечественной науке существует целый ряд фольклороведческих работ, авторы которых касаются проблематики военного дела и в том числе вопросов его исторической интерпретации (см.: Гребнев Л.В., 1960; Курбатский Г.Н., 2001; Липец Р.С., 1984; Суразаков С.С., 1985; Функ Д.А., 2005; Чудояков А.И.,

---

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/G, «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии»)